

УДК 947.081 (470.324)

ОРГАНЫ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ И КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ РУБЕЖА XIX–XX ВВ. (на материалах Воронежской губернии)

БАШКИРЕВА Наталья Валерьевна,кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется взаимодействие органов местной власти в лице земских участковых начальников и крестьянского самоуправления в русской деревне рубежа XIX–XX вв. Характеризуется степень и эффективность контроля чиновников над волостными старшинами, писарями, сельскими старостами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: земский участковый начальник, крестьянство, крестьянское самоуправление, Воронежская губерния.

BASHKIREVA N.V.,Cand. Histor. Sci., Senior Lecture of the Department of Russian History
Voronezh State Pedagogical University

**LOCAL AUTHORITIES AND BODIES OF PEASANT SELF-GOVERNMENT:
EXPERIENCE OF INTERACTION IN THE RUSSIAN VILLAGE AT THE TURN
OF THE 20th CENTURY (AS EXEMPLIFIED IN THE VORONEZH PROVINCE)**

ABSTRACT. The article analyses the interaction of bodies of local government represented by divisional chiefs and bodies of peasant self-government in the Russian village at the turn of the 20th century. Degree and efficiency of officials' control over volost foremen, clerks, rural heads are characterized.

KEY WORDS: divisional chiefs, peasantry, peasant self-government, Voronezh province.

Эффективность государственной власти сегодня во многом определяется характером взаимодействия органов местного управления и самоуправления.

Учет накопленного опыта подобного согласования действий при выстраивании современной государственной политики поможет избежать возможных ошибок. В данном контексте актуальной задачей представляется анализ взаимоотношений института земских участковых начальников – органа местного управления, возникшего в Российской империи в 1889 г., и органов и должностных лиц крестьянского самоуправления, функционировавших в русской деревне в пореформенный период.

Взаимоотношения земских начальников и органов крестьянского самоуправления в дореволюционной публицистике подвергались безапелляционной критике, в связи с негативной оценкой установления со стороны учрежденных в деревне чиновников административной опеки над подведомственным населением [2; 3]. В советский период продолжали доминировать крайне негативные характеристики института земских начальников как органа административно-дворянской опеки, поставленного над крестьянским самоуправлением с целью фактического возврата к крепостническому порядку [4; 5; 6; 7]. В современной исторической науке, избавленной от идеологических установок предшествующего периода, деятельность органов ме-

стной власти, самоуправления, а также их взаимодействие в России в исторической ретроспективе стали приоритетными направлениями исследования [8; 9; 10; 11]. При этом современные авторы стараются дать более взвешенные и объективные оценки деятельности земских участковых начальников, в том числе в отношении подведомственных органов, с опорой на неопубликованную источниковую базу, доказывая попытки государственных чиновников внести законность и упорядоченность в делопроизводство органов и должностных лиц крестьянского самоуправления [12; 13; 14; 15].

В качестве источников по проблеме исследования в статье проанализирована законодательная база деятельности земских начальников, неопубликованные документы, содержащиеся в РГИА и ГАРС, раскрывающие специфику взаимоотношений органов власти и самоуправления в Воронежской губернии, а также воспоминания и заметки самих чиновников.

В соответствии с Положением от 12 июля 1889 года земский начальник был наделен широкими правами в отношении органов и должностных лиц крестьянского самоуправления [16]. В частности, 23 статья Положения предоставляла чиновнику «надзор за всеми установлениями крестьянского общественного управления, а равно производство ревизий означенных установлений как по непосредственному его ус-

мотрению, так и по поручению губернатора или губернского присутствия». Таким образом, земскому начальнику вменялся в обязанность контроль за: волостными правлениями; волостными и сельскими писарями; волостными старшинами (право утверждения в должности которых перешло к нему от мирового посредника) и сельскими старостами (включая надзор за действиями этих должностных лиц, а также нижних чинов полиции «по охранению благочиния, безопасности и общественного порядка, равно как по предупреждению и пресечению преступлений и проступков» во время отсутствия на месте уездного исправника или станowego пристава (ст. 24)). Наконец, надзору чиновника подлежал и волостной суд. По сути, в руках земского начальника, как администратора, были сосредоточены все рычаги крестьянского управления.

В сущности, единственным государственным учреждением, с которым приходилось иметь дело крестьянину, как отмечал земский начальник одной из северных губерний В. Поливанов, являлось волостное правление, заключавшее в себе всю полноту власти [17]. Действительно, его делопроизводство включало не только стекавшиеся жалобы, просьбы, обиды, касающиеся крестьянского обихода, но и ведение различных списков, сбор статистических данных, а также переписку со всевозможными учреждениями и ведомствами, требующими немедленного исполнения своих приказаний.

Еще в 80-е годы XIX века служивший волостным писарем Н. Астырев, характеризуя функционал волостного правления, писал: «Уездное по крестьянским делам присутствие, уездная и губернская земские управы, воинское присутствие, училищный совет, дворянская опека, полицейское управление, казенная палата, губернское правление, управление гос. имуществ, казначейство, мировой съезд и мировые судьи, исправник, непрременный член, становой, судебный следователь, судебный пристав, губернский статистический комитет, агент земского страхования и проч., и проч. – все это и все эти пишут: "немедленно доставить", "безотлагательно распорядиться", "с нарочным донести", "лично явиться", разыскать, составить, оценить, выслать, описать, исследовать, "иметь наблюдение" и т.д. до бесконечности» [18]. К началу XX века ситуация не изменилась. На смену прежним пришли новые должностные лица и ведомства, которые все также требовали сиюминутного исполнения своих предписаний.

Все делопроизводство волостного правления, которое состояло из волостного старшины, сельских старост и волостного писаря, лежало на плечах последнего. Он как порой единственный грамотный член этого учреждения к тому же вел документацию волостного суда. В силу данных обстоятельств земские начальники дорожили хорошими писарями, порой идя даже наперекор начальству. Так, земский начальник 1-го участка Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии М.А. Малевич

Малевич в 1910 году допустил к исправлению должности новольшанского волостного писаря. Петра Жилина, состоявшего в 1908 году под судом, но в результате оправданного. Объясняя губернатору причины приема на службу означенного лица, Малевич отмечал, что Жилин, занимаясь у него в канцелярии, обратил на себя внимание способностями, добросовестным отношением к делу и трудолюбием. Зарекомендовав себя за вполне добросовестного, трезвого и честного

человека, Жилин привел делопроизводство волостного правления и суда в порядок. Лишь после уверения губернатора в строгом наблюдении за писарем, земскому начальнику было временно разрешено оставить Жилина под свою личную ответственность [19].

Как и все должностные лица крестьянских установлений, писари находились под контролем земского начальника, имевшего право в соответствии с 29 статьей Положения удалять их от должностей по причине неблагонадежности [20]. Причем и губернские власти, признавая влиятельное положение писарей, придавали большое значение их нравственному облику. В частности, канцелярия воронежского губернатора неоднократно сообщала для зависящих распоряжений губернскому присутствию сведения о политической неблагонадежности данных должностных лиц и их помощников, что нередко влекло за собой увольнение [17].

Ознакомившись с устройством крестьянского управления, ответственный чиновник приходил к выводу, что благополучие дел участка всецело зависит «от правильности и точности работы волостных правлений» [21]. Для достижения последнего необходимо было заботиться о том, чтобы крестьянские должностные лица были ознакомлены с существом принадлежащих им прав и обязанностей (§ 157 Наказа земским начальникам [22]). Не менее важно было осуществлять постоянный контроль и периодические проверки крестьянских установлений (в соответствии с § 159 «Наказа...», ревизовать волостные правления надлежало не реже 1-го раза в год, а сельские учреждения и должностных лиц – ежегодно по одному обществу каждой волости).

Именно благодаря подобным ревизиям выяснялись и пресекались злоупотребления должностных лиц крестьянского управления. Так, при ревизии в 1900 году книг и сумм волостного правления Садовской волости земским начальником 5-го участка Бобровского уезда Воронежской губернии, была обнаружена недостача в размере 500 рублей, а также выяснилось, что в казначейство не были сданы еще 700 рублей. В результате волостной старшина и писарь не только лишились своих мест, но и были отданы под суд [23].

В отношении должностных лиц крестьянского самоуправления в руках земского начальника имелись обширные, законодательно закрепленные рычаги воздействия. Так, в соответствии с 62 статьей Положения, вследствие рассмотрения жалоб на действия должностных лиц сельского и волостного управлений (которые на основании 28 статьи земский начальник мог разрешать собственной властью), а также «в случае непосредственно усмотренных им самим маловажных проступков означенных лиц по должности» земский начальник имел право подвергать их, «без формального производства», одному из следующих взысканий: замечанию, выговору, штрафу не более 5 рублей или аресту не более семи дней. За более важные нарушения земскому начальнику предоставлялось право временно устранять всех означенных лиц (в том числе и волостных судей) от должностей и входить с представлениями в уездный съезд о совершенном увольнении их от службы или о предании их суду. Подобные постановления считались окончательными и подлежащими немедленному исполнению (ст. 64).

Добросовестные чиновники, стремясь внести в деревенскую повседневность уважение к власти и зако-

ну, рассматривали жалобы на подведомственных им должностных лиц по существу, вникая в суть обвинений. Показательна в этом отношении деятельность временно исполняющего обязанности земского начальника 5-го участка Павловского уезда А.Т. Буракова по рассмотрению жалоб крестьян на неправильные действия островского сельского старосты и писаря. В одной из них речь шла о том, что староста и писарь при разделе леса в январе 1912 года вывезли около 50 возов к себе домой без ведома общества. Однако при разборе дела земским начальником оказалось, что по приговору общества от 19.11.1911 г. лес был отведен не только на нужды общества и для отопления сельского правления и церковной сторожки, но и по числу душ церковному притчу, волостному старшине, сельскому старосте и писарю, фельдшеру и сидельцу винной лавки. В итоге этот отведенный лес и был отвезен старостой и писарем к себе по домам. Таким образом, жалоба была признана неосновательной и оставлена без движения [24; 25]. Такой же вердикт был вынесен на претензии крестьянина Тюрина, якобы без всякой вины посаженного старостой под арест. Бураков выяснил, что крестьяне Тюрин и Волобуев, будучи пьяными, завели ссору и стали ругаться в помещении сельского правления. Вследствие чего Тюрин и был подвергнут аресту до «вытрезвления» на 3 часа [26].

Применение 62 статьи, особенно наказание рублем или арестом, в отношении крестьянских должностных лиц должно было способствовать искоренению злоупотреблений в их среде. Нередко земские начальники старались пресекать должностные проступки, вероятно, не считавшиеся в сельском быту таковыми. Так, староста Крутогорского сельского общества 3-го участка Задонского уезда Воронежской губернии Щербаков в ноябре 1909 года был арестован земским начальником на 5 дней. Причиной этому послужила выработанная старостой практика: он ставил свою подпись и печать на незаполненных текстом бумагах, передавая затем их бывшему писарю Гребенникову, который выдавал в отсутствие Щербакова удостоверение крестьянам [27].

Нередко подвергался взысканиям по службе и волостной старшина. Он, будучи правой рукой земского начальника, был обязан не только знать все и обо всем, но и своевременно информировать начальство. Неверный донос, непроверенная информация – и наказание гарантировано. Так, Малакеевскому волостному старшине 5-го участка Валуйского уезда Воронежской губернии – за не вполне проверенное донесение на крестьянина Заяц о подстрекательстве односельчан к неплатежу повинностей, земским начальником В.А. Девиер в 1909 году был объявлен строгий выговор [28].

Обычной мотивацией при применении 62 статьи являлась бездеятельность по сбору податей. Именно с такой формулировкой земским начальником 1-го участка Павловского уезда И.Н. Данилевским в 1896 году были подвергнуты аресту на 3 дня елизаветовский сельский староста и сборщики податей и на 7 дней ивановский сборщик податей, а в 1898 году сроком на 3 дня был арестован михайловский волостной старшина [29].

Наряду с материальным взысканием и временным лишением свободы, отстранение от должностей также являлось довольно частой мерой наказания. Причем

ее применение исходило как от самого земского начальника, так и от вышестоящих органов. В частности, губернаторы, получив данные о неблагонадежности тех или иных должностных лиц, предлагали земским начальникам выяснить фактическое положение вещей и принять надлежащие меры. Так, Воронежский губернатор в письме земскому начальнику 5-го участка Богучарского уезда в сентябре 1909 года сообщал о полученных им сведениях о противодействии проведению в жизнь закона от 9 ноября 1906 года со стороны сельского старосты сл. I Белой Горки Бердникова. По словам крестьян, староста бранил их в сельском правлении за их намерение перейти от общинного к подворному владению. В заключении губернатор предлагал чиновнику расследовать настоящее дело, уведомив его о последующем [30].

В том случае, если губернатор получал неопровержимые доказательства политической неблагонадежности руководителей крестьянского самоуправления, он немедленно указывал земским начальникам на необходимость устранить виновных от занимаемых должностей. Так, 25 июля 1906 года Воронежский губернатор, «сделав распоряжение о высылке старосты с. Фоминич – Андрея Калинина – из пределов Воронежской губернии ввиду вредного влияния на крестьян», предложил земскому начальнику Воронежского уезда «немедленно устранить» его от должности [31]. Подобное предложение последовало 27 сентября 1906 года земскому начальнику Валуйского уезда «ввиду имеющихся сведений о политической неблагонадежности» сельского старосты сл. Погромца Василия Попова [32]. В декабре 1907 года земскому начальнику 3-го участка Задонского уезда было также предложено «немедленно фактически устранить от выполнения обязанностей сельского старосты» крестьянина Слепокурова, принимавшего участие в агитации «относительно неплатежа податей и оказания властям сопротивления» [32].

Подавляющее большинство устранений инициировалось все же самими земскими начальниками. Причиной этой меры могла являться «полная бездеятельность по взысканию окладных сборов и продовольственных долгов», как было при устранении осетровского сельского старосты 5-го земского участка Павловского уезда Воронежской губернии в мае 1912 года [33]. «Малопригодность» к несению возложенных обязанностей вкупе с плохим поступлением податных сборов и нераспорядительностью, вследствие которой произошел беспорядок на сельском сходе, – причины, по которым был устранен от должности староста хут. Прокопцева 1-го земского участка Острогского уезда Воронежской губернии в декабре 1909 года [34].

За неисполнение предписаний начальства должностные лица крестьянского самоуправления также могли поплатиться своими местами службы. Так и произошло со старостой с. Хвоцеватое Землянского уезда Воронежской губернии, который распоряжением земского начальника 3-го участка С.И. Чарнецкого от 12 августа 1903 года был временно устранен от должности. В качестве причин называлось неисполнение старостой неоднократного приказа земского начальника о немедленном исправлении обрушившегося моста в селе, а также другие замеченные «небрежности к службе» [35].

Любое неправомочное действие населения было чревато для крестьянского должностного лица. Имен-

но старшина или староста в данном случае выступали в роли «крайнего» и подвергались наказанию в первую очередь. Так, при тщательном дознании земского начальника 5-го участка Воронежского уезда относительно роли сельского старосты деревни Желтаевой Орловской волости в порубке леса, произведенной крестьянами в имении дворянки Завальской, было установлено следующее: «Сельский староста Алексей Акиншин, – доносил земский начальник губернатору, – хотя попустительства к порубке леса не делал, но по своему нерадению и мер к предотвращению этого проступка никаких не принял» [36]. В результате, староста был устранен от службы с передачей ходатайства в уездный съезд.

С началом реализации аграрной реформы первой четверти XX века любая пассивность в этом вопросе ставила под удар в первую очередь должностных лиц крестьянских установлений. При устранении старост и старшин нередкой стала следующая формулировка – «противодействие проведению в жизнь закона 9 ноября 1906 года» [37].

Однако существовали и более веские основания для устранения от должностей представителей крестьянского самоуправления. Учитывая, что на основании ст. 36 Положения от 12 июля 1889 года на земского начальника возлагался надзор за состоянием мирских капиталов, нередко среди крестьянских должностных лиц вскрывалась растрата. В феврале 1908 года земский начальник 2-го участка Воронежского уезда М.П. Паренаго препроводил в Воронежский уездный съезд дела о привлечении к уголовной ответственности:

- 1) бывшего волостного старшины Хахулина, признанного виновным в неправильном расходовании мирских волостных сумм в количестве 139 руб. 42 коп.;
- 2) бывшего сельского старосты Дрынкина и сборщика податей Немыкина, признанных виновными в неправильном расходовании денег в сумме 425 руб. 94 коп. и 12 руб. 50 коп. соответственно [38].

Несмотря на борьбу земских начальников со злоупотреблениями на сельском и волостном уровнях, они продолжали иметь место: за четыре года (с 1908 г. по 1911 г.) земские начальники Воронежской губернии сделали 793 представления о предании суду должностных лиц крестьянского общественного управления [39].

Особые отношения связывали земского начальника с волостным старшиной. Он, будучи ключевой фигурой в крестьянском самоуправлении, как отмечал в своих воспоминаниях земский начальник Тамбовской губернии А.И. Новиков, являлся «ближайшим советником земского начальника» [40]. А по мнению помощника управляющего земским отделом МВД И.М. Стреховского, многие земские начальники «черпали» все свое знакомство с нуждами участков из отзывов волостных старшин [23]. Причем порой проворный старшина находил в лице чиновника покровительство, которое вполне мог использовать в личных целях. Так, по данным Землянского уездного исправника, земский начальник 6-го участка Л.Н. Офросимов оказывал поддержку Быковскому волостному старшине в его стремлении отделаться от бывшего сельского писаря Звягинцева [41].

По негласным сведениям, полученным чиновником Воронежского губернского жандармского управления в ходе разговора с волостными писарями, волостной старшина Попов будто бы незаконно сдавал крестьянам в аренду усадебное место за взятки по 25 рублей. Для приобретения же расположения земского началь-

ника 3-го участка Землянского уезда С.И. Чарнецкого Попов доставлял ему бесплатно яйца, телят и уток [42].

По всей вероятности, не только на уровне служебного формализма замыкались взаимоотношения земского начальника 2-го участка Нижнедевицкого уезда К.Н. Харкеевича и волостного старшины Шипилова. Несмотря на неоднократные жалобы крестьян на незаконные действия старшины, выражавшиеся во взяточничестве и растрате общественных денег, Харкеевич из личного расположения к Шипилову не обращал на них внимания. В результате Воронежское губернское присутствие в 1902 году было вынуждено сделать земскому начальнику замечание за слабый надзор, имевший последствием растрату волостным старшиной общественных сумм в размере 700 рублей, что в отсутствие Харкеевича было замечено исполняющим обязанности земского начальника Решетовым [43].

Тем не менее подобные неофициальные отношения были скорее исключением из правил, поскольку в делопроизводстве земских начальников административные дела об ответственности должностных лиц крестьянского общественного управления занимали одно из ключевых мест. В частности, в Воронежской губернии за период с 1908 по 1911 гг. количество подобных дел увеличилось с 1604 до 2255. Причем четвертую часть составляли дела об устранении должностных лиц, переданные в уездные съезды: в 1908 году в производстве 12 уездных съездов Воронежской губернии находилось 460 дел подобного рода в 1909 г. – 570, в 1910 г. – 536, а в 1911 г. – 544. Вообще же взысканиям по 62 статье за данный период были подвергнуты 4199 должностных лиц крестьянских установлений губернии [44]. Приведенные данные свидетельствуют о неослабном контроле со стороны земских начальников за деятельностью должностных лиц крестьянских установлений, о попытках искоренить злоупотребления в их среде и поднять авторитет власти на должный уровень. Ведь, по утверждению Николая Давидовича Жевахова, прослужившего земским начальником более трех лет, как бы плох ни был волостной старшина, земский начальник всегда мог сделать его лучше, если не ограничивался полумерами [45]. А земский начальник В. Янович прямо указывал, что худой староста у требовательного земского начальника был обречен «вечно сидеть под арестом» [46].

Таким образом, взаимоотношения органов местного управления в лице земских участковых начальников и органов крестьянского самоуправления замыкались на контроле и надзоре чиновников над последними. Как отмечали современники, несмотря на загруженность земских начальников спектром административных полномочий наиболее удачной стороной их деятельности должен быть признан именно надзор за правильностью и законностью действий учреждений и должностных лиц крестьянского самоуправления [24]. Действительно, с точки зрения эффективности государственной власти эту административную функцию управленцев следует признать уместной, своевременной и востребованной. Однако не стоит исключать роль личностного фактора в деятельности чиновников, главенство которого нередко приводило к злоупотреблениям и способствовало реализации интересов не крестьянского общества, а самих «земских».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кожухар К.Я. Земские начальники / К.Я. Кожухар // Вестник права. – 1905. – № 5, 8, 9.
2. Леонтьев А.А. Законодательство о крестьянах после реформы / А.А. Леонтьев // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. – М. : Издание т-ва И.Д. Сытина, 1911. – Т. 6. – С. 158–174.
3. Риттих А.А. Крестьянский правопорядок / А.А. Риттих. – СПб. : Тип. В.Ф. Киришбаума, 1904. – 447 с.
4. Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян европейской России: 1881–1904 гг. / А.М. Анфимов; под ред. К.И. Шабуни. – М. : Наука, 1984. – 232 с.
5. Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России / Н.П. Ерошкин. – М. : Учпедгиз, 1960. – 396 с.
6. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России, 1907–1914 гг. / П.Н. Зырянов. – М. : Наука, 1992. – 256 с.
7. Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма / С.М. Сидельников. – М. : Издательство Московского университета, 1980. – 289 с.
8. Емельянов Н.А. Местное самоуправление: проблемы, поиски, решения / Н.А. Емельянов. – М.; Тула : ТИГИМУС, 1997. – 814 с.
9. История государственного управления в России : учебник / Н.Ю. Болотина [и др.]; под ред. Р.Г. Пихои. – М. : РАГС, 2001. – 376 с.
10. История России. Народ и власть: Из лекций, прочитанных в рос. ун-тах : учеб. для вузов / Л.В. Высокочков [и др.]; сост. Ю.А. Сандулов. – СПб. : Лань, 1997. – 445 с.
11. Черняк В.З. История государственного и муниципального управления России: учеб. для вузов / В.З. Черняк. – М. : РДЛ, 2001. – 527 с.
12. Бузанова Н.А. Земские начальники Тамбовской губернии: 1889–1917 гг. : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н.А. Бузанова. – Тамбов, 2005. – 212 с.
13. Гурьянов М.М. Институт земских начальников в конце XIX – начале XX вв. и его региональные особенности : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М.М. Гурьянов. – Киров, 2007. – 202 с.
14. Звонцова А.В. Институт земских начальников в России в эпоху консервативной стабилизации и реформаторском процессе в 80-е гг. XIX в. – начале XX в.: по материалам Тульской губернии : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А.В. Звонцова. – Тула, 2006. – 286 с.
15. Мироненко К.А. Земские начальники Центрального Черноземья в социально-политической повседневности конца XIX – начала XX вв. : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / К.А. Мироненко. – Курск, 2012. – 188 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – Т. 9. – № 6196.
17. Поливанов В. Записки земского начальника / В. Поливанов // Русская мысль. – 1917. – № 5-6. – С. 63.
18. Астырев Н.В. волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления / Н. Астырев. – М. : Тип. В.В. Исленьева, 1886. – С. 32.
19. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1732. Л. 7–8.
20. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 409. Л. 82-122; Ф. И-6. Оп. 2. Д. 410. Л. 94, 130-146, 149; Ф. И-6. Оп. 2. Д. 413. Л. 90, 93-101; Ф. И-6. Оп. 2. Д. 414. Л. 73–81.
21. Наказ земским участковым начальникам. – СПб. : Сенатская типография, 1905. – 40 с.
22. Воронежский телеграф. – 1900. – № 35 (24 марта). – С. 2.
23. Страховский И.М. Крестьянские права и учреждения / И.М. Страховский. – СПб. : Общественная польза, 1904. – С. 172.
24. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1928. Л. 13–13 об.
25. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1928. Л. 13 об.
26. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1577. Л. 86, 89.
27. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1620. Л. 15.
28. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 250. Л. 57.
29. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1563. Л. 15.
30. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 957. Л. 12 об. – 13.
31. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 712. Л. 6.
32. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1131. Л. 23 – 23 об.
33. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1928. Л. 23.
34. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1566. Л. 28.
35. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 3. Д. 95. Л. 2.
36. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1662. Л. 18.
37. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1559. Л. 31.
38. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1130. Л. 50.
39. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 31. 1910 г. Д. 157. Л. 16 об., 35 об., 55, 77 об., 89 об.
40. Новиков А.И. Записки земского начальника Александра Новикова / А.И. Новиков. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – С. 32.
41. ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 325. Л. 3.
42. ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 245. Л. 152.
43. РГИА. Ф. 1291. Оп. 29. 1897 г. Д. 14. Л. 260–260 об.
44. РГИА. Ф. 1291. Оп. 31. 1910 г. Д. 157. Л. 15 об., 16 об.–17, 34 об., 35 об.–36, 55–56, 76 об., 77 об., 88 об., 89 об.–90, 101.
45. Жевахов Н.Д. Письма земского начальника / Н.Д. Жевахов // Гражданин. – 1904. – № 22. – С. 7.
46. Янович В. Итоги шестилетия / В. Янович. – Пермь : типо-литография губернского правления, 1902. – С. 40.